

Во-вторых, совершенно неприемлемыми представляются выявленные в ходе интервью взаимоотношения между несовершеннолетними правонарушителями и представителями общеобразовательных организаций. Нежелание малолетних делинквентов посещать школу понятно, ведь без должного мотивирования в семье они считают это пустой тратой времени. Вызывает опасение безразличное отношение самих учителей, которые «не интересуются», а порой и оскорбляют безнадзорных детей, подчеркивая интеллектуальную неразвитость. Решение данной проблемы видится во внесении в общеобразовательные организации предписаний и предупреждений о недопустимости подобного поведения педагогов, а также в стимулировании учителей к внеклассной и дополнительной работе с отстающими по учебной программе детьми и детьми из семей в трудной жизненной ситуации. Стимулом может стать, например, повышение заработной платы или разовые премии за внеклассную воспитательную работу.

В-третьих, интересен случай при интервьюировании одного из опрошенных. Семья подростка до совершения им правонарушения не состояла на профилактический учет, однако совершеннолетний брат респондента был осужден и к 20 годам уже отбыл уголовное наказание. Отсюда следует вывод о наличии в семье «проблем с законом», не входящих в перечень формальных оснований профилактического надзора за ней. Профилактическую работу, видится, следует распространить и на семьи, в которых воспитывается ребенок, если его совершеннолетний проживающий совместно брат (сестра) совершает преступление. Это должно повлечь постановку семьи на учет и усиленный надзор ПДН за несовершеннолетними, которые в ней воспитываются.

В-четвертых, если деликтность несовершеннолетних – это цельное явление, а сами несовершеннолетние правонарушители не различают уголовное преступление и административное правонарушение, то и правовые последствия для малолетнего девианта также должны быть симметричны по УК РФ и КоАП РФ. Полагаем, необходимо «сравнять» возраст уголовной и административной ответственности по наиболее часто совершаемым детьми правонарушениям и определить его с 14 лет. Также в КоАП РФ и УК РФ следует универсализировать систему воспитательно-исправительных мер наказания (обязательные, исправительные, принудительные работы) и установить приоритет их применения в отношении несовершеннолетних перед другими.

В совокупности указанные меры, как нам представляется, будут способствовать повышению эффективности ранней превенции девиантного поведения несовершеннолетних, что благотворно скажется на состоянии всей преступности в России.

УДК 343.35

О.Н. Рябченко

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ

Некоторые страны, которые так или иначе испытывали на себе влияние советского права, и сегодня сохранили в структуре уголовного закона отдельную главу о преступлениях против порядка управления (в частности, Грузия, Латвия, Эстония, отчасти – Китай, Болгария, Сербия).

Особое место занимают государства, в уголовном законодательстве которых обособлена отдельная глава, посвященная охране системы государственных органов и государственной администрации. Например, в УК Сербии – гл. 29 «Преступления против государственных органов», УК Болгарии – гл. 8 «Преступления против деятельности государственных органов и общественных организаций», в УК Сан-Марино – гл. V разд. 4 «Преступления частных лиц против государственной администрации», в УК Швейцарии – разд. 15 «Преступные деяния против государственной власти», в УК Австрии – разд. 15 «Посягательства на высшие органы государственной власти», в УК ФРГ – разд. 4 «Преступные деяния против конституционных органов, а также связанные с выборами и голосованием» и т. д. Такие главы занимают как бы «промежуточное место» между преступлениями против государственной безопасности и преступлениями, связанными с нарушением установленного в государстве порядка отраслевого управления (порядка отношений в тех или иных сферах общественной жизни). В этом отношении они близки традиционным отечественным предписаниям о «порядке управления», но не совпадают с российскими аналогами в полной мере.

Из всех исследованных европейских кодексов наиболее развернутой системой преступлений против порядка управления видится в уголовном законе Франции. Это один из немногих (если не единственный) кодекс, который в качестве отдельного элемента структуры Особенной части в книгу 4 о преступлениях против государства включил главу III «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами». В ней десять отделов посвящены преступлениям против порядка управления; среди которых отдел II «Об угрозах и актах запугивания, совершенных против лиц, занимающих публичную должность».

В ст. 433-3 УК Франции установлена ответственность, во-первых, за угрозу совершения какого-либо преступления или проступка против личности или имущества лица, занимающего публичную должность (перечень таких лиц и должностей прямо приведен в диспозиции нормы) при осуществлении им или в связи с осуществлением им своих функций. Ответственность за содеянное возрастает, если речь идет об угрозе убийством или посягательством на имущество, представляющим опасность для людей. И только в качестве особо квалифицированного состава Закон конструирует угрозы, призванные добиться от публичного служащего совершения или воздержания от совершения каких-либо действий, входящих в круг его полномочий и обязанностей, а равно добиться от какого-либо органа власти или управления наград, сделок или иных благоприятных решений. Тем самым можно предполагать, что законодательство Франции создает более развернутый механизм защиты личных интересов публичных служащих, расширяя основания криминализации деяний за счет «занижения порога мотивации» и увеличения спектра запрещенных угроз.

В Германии и Австрии преступления против личности управленцев представлены в двух группах норм, различающихся прежде всего статусом потерпевшего: выступают ли в качестве такого представители высших органов власти или иные управленцы. Но главное отличие германского и австрийского законодательства от английского и американского заключается, на наш взгляд в том, что в первых более четко, рельефно обозначена связь применяемого в отношении специального потерпевшего насилия с его профессиональной деятельностью.

Так, согласно § 106 УК ФРГ подлежит наказанию тот, кто, применяя насилие или угрожая применением насилия, противоправно принуждает Федерального президента или члена федерального или земельного законодательного органа, правительства

или Конституционного суда к невыполнению его полномочий или к их выполнению определенным образом. Аналогичный запрет предусмотрен в § 249 и 251 УК Австрии.

В соответствии с § 113 УК ФРГ наказываемся тот, кто, применяя насилие или угрожая применением насилия, оказывает сопротивление должностному лицу или солдату немецких вооруженных сил, призванному исполнять законы, подзаконные нормативные акты, приговоры, судебные постановления или распоряжения и находящемуся при исполнении этих служебных действий, или нападает на него при их исполнении. В качестве квалифицирующих признаков состава Закон устанавливает наличие у виновных оружия, создание для потерпевшего «смертельной опасности или опасности причинения тяжкого вреда здоровью». На основании § 114 УК ФРГ граждане несут ответственность за сопротивление лицам, не являющимся должностными, но обладающим правами и обязанностями полицейского чиновника, или производящими расследование по поручению прокуратуры.

В УК Австрии близкие по смыслу положения закреплены в § 269 и 270. Согласно последней норме наказанию подлежит тот, кто, применяя физическое насилие, нападает на чиновника во время осуществления им действий, совершаемых в порядке выполнения служебных обязанностей. При этом и в немецком, и австрийском законах специально подчеркивается, что рассматриваемые нормы применяются только при условии, что деятельность чиновников не носила противоправного характера, и нападающий осознавал правомерность действий представителя власти и администрации.

Аналогичным образом поступает и испанский законодатель, конструируя интересующие нас уголовно-правовые предписания. В УК Испании самостоятельная глава «О посягательствах против должностных лиц, их представителей и государственных служащих, о сопротивлении и неповиновении им» помещена в раздел «Преступления против общественного порядка». Здесь установлена наказуемость таких деяний, как нападение, применение силы, запугивание, сопротивление указанным лицам во время выполнения или поводу выполнения ими должностных обязанностей. Наказание дифференцируется в зависимости от того, совершено ли преступление в отношении должностных лиц высших органов законодательной, исполнительной или судебной власти, иных должностных лиц или же в отношении их представителей; было ли применено оружие; совершено ли преступление частным лицом или лицом, использующим свое должностное положение. Отдельная глава испанского кодекса (гл. 2 разд. XXI «Преступления против Конституции») посвящена охране жизни, здоровья, чести и достоинства короля и некоторых членов королевской семьи.

Аналогичные или близкие по смыслу предписания можно обнаружить также в § 112, 119, 121 УК Дании, гл. 17 и 18 УК Швеции, ст. 179–185а УК Голландии, ст. 277 УК Китая.

Используя различные юридико-технические средства (квалифицированные составы, специальные нормы), государства независимо от традиций и идеологических установок создают особые гарантии безопасности управленцев всех звеньев, варьируя лишь степень жесткости ответственности и различия посягательства, призванные и нет изменить служебную деятельность представителей власти и управления.

УДК 343.01

А.Л. Савенок

ВЛИЯНИЕ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ НА РАЗВИТИЕ ШКОЛ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Для изучения эффективности уголовного права, выбора оптимальных методов исследования необходимо четко представлять факторы, оказавшие существенное влияние на его формирование. Значительное влияние на становление уголовного права оказали отечественные научные разработки и теоретико-правовые взгляды, сформировавшиеся в процессе развития истории многих зарубежных государств. Учитывая территориальную близость нашей страны к государствам Западной Европы, многие научные идеи мыслителей этих стран воплощены в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК). Более того, можно с уверенностью констатировать, что УК во многом сформирован под влиянием определенных европейских научных направлений, именуемых в юридической литературе школами. Поэтому изучение того, как и под влиянием каких типов научной рациональности и типов правопонимания были сформированы основные школы в уголовном праве, может дать ответ на вопрос о выборе методологических оснований исследования той или иной уголовно-правовой проблемы, в том числе и эффективности уголовного закона.

Как известно, первым возникло классическое направление, к ярким представителям которого относят Ч. Беккариа. Основные идеи классической школы уголовного права выражаются в формулировании принципа законности (*nullum crimen, nulla poena sine lege*). Отсюда следует, что преступление носит формальный характер и первостепенное внимание сконцентрировано на общественно опасном деянии (юридически значимых свойствах). Заслуга ученых-классиков состоит в глубокой разработке институтов уголовного права: состава преступления, вины и ее видов, соучастия, покушения и др. Много внимания уделялось уголовной догматике – тщательной разработке и изучению признаков составов конкретных преступлений. Главным же недостатком классической школы уголовного права считается приверженность ее сторонников к анализу текста закона, конструированию и комментированию уголовно-правовых институтов и норм в связи с волей законодателя в отрыве от конкретных социальных и исторических условий.

Анализ положений классической школы права свидетельствует, что основное влияние на ее формирование оказал легистский тип правопонимания, в котором право отождествляется с законом, а сам закон трактуется формально. Для данного типа правопонимания характерно стремление избежать связи закона с социальным контекстом. Легистский тип наиболее последователен и обладает несомненными достоинствами, главным из которых является то, что при таком подходе точно известно, что можно считать правовым поведением, а что относится к противоправному. Именно легистский тип правопонимания наиболее основательно приблизился к исследованию конкретных проблем правового регулирования, в том числе и в вопросах исследования эффективности права.

Под воздействием развития естественных наук в XIX в. в теории уголовного права возникло антропологическое направление, формирование и развитие которого в значительной мере явилось реакцией на недостатки классической школы права. Основателем антропологической школы считается Ч. Ламброзо, наиболее широко использовавший биологические особенности преступного поведения и перенесший их из области общих рассуждений в область науки и конкретного опыта. Основу антропологической теории составляют философские идеи представителей вульгарного материализма, утверждавших, что решающим в поведении человека